

УДК 83.10

DOI: 10.31029/vestiyali24/7

ДУХОВНАЯ ПЕРЕКЛИЧКА ЭПОХ: СТИХИ МАРИАМ ИБРАГИМОВОЙ О ДЕТСТВЕ

З. К. Магомедова

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского ФИЦ РАН*

В статье рассматриваются особенности поэтического творчества Мариам Ибрагимовой, даются основные характеристики цикла стихов, посвященных ее ранним годам, проведенным в горах Дагестана.

Ключевые слова: особенности уклада жизни, героические персонажи прошлого, воспоминания детства, родной очаг.

The article examines peculiarities of poetry of Mariam Ibragimova, there are given the main characteristics of the cycle of poems devoted to her early years of her life, which she spent in the Dagestan mountains.

Key words: features of the way of life, heroic personalities of the past, the remembering of childhood, native hearth.

Поэзии Мариам Ибрагимовой, как и ее прозе, свойственна всеохватность, стремление включить в контекст своего поэтического поля и личные переживания, и воспоминания глубокого детства, и абстрагированные ассоциации. Ее стихи – своего рода поэтическая ниша, где Мариам начинает доверительный разговор со своим читателем о себе, своих близких, родном очаге, земле своих предков. Поэтесса ведет своего читателя тропами своих раздумий и воспоминаний.

В своем романе «Тебе, мой сын» М. Ибрагимова приводит описания не только лакских гор, где она выросла, но и многих дагестанских сел, с особенностями их уклада. О своем родном селе Хуты она пишет подробно, отмечая все особенности этнического характера: «От Казикумуха – древнего городища владетельных шамхалов – селение Хуты было расположено, как и прочие аулы, на небольшом расстоянии. Но в отличие от других, которые были на виду у кумухцев, Хуты был укрыт высочайшими и крутыми каменистыми перевалами. Подниматься и спускаться с него можно было только по узкой, петляющей по отвесному склону дороге. По этому кратчайшему пути в Кумух каждый четверг, а то и в будние дни спешили чохинцы с плетеными корзинами, навьюченными на ишаков, ехали верховые на лошадях, шли пешие на базар. Помнила эта дорога и тех, кто в поисках заработка отправлялся на чужбину. Возделываемых земель здесь, в этом обойденном Богом горном ауле, почти не было, как не было ни лесов, ни цветущих долин. Неизвестно, в какие времена волею злых судеб были заброшены в эти бесплодные горы наши прадеды» [1, с. 40].

Так рождались ее стихи и поэмы, в которых главными героями были горы, горцы, героические персонажи прошлого. В стихотворении «Верю» М. Ибрагимова тонко и зримо передает свои мысли, ощущения от встречи с горцами, горским бытом. Пронизанное воспоминаниями детства это произведение лучше многословных описаний передает дух родного очага, запомнившийся с детства.

Я вновь в ауле маленьком, в глуши.
Ни деревца... Хотя бы хилый кустик!
Здесь все во власти вековой тиши,
На всем отенок стародавней грусти.

В этом стихотворении лирическая традиция представляет автору возможность использовать клишированные образы, призванные свидетельствовать в превосходной степени о целебности родных истоков, их магической силе.

Как и в других произведениях, посвященных Дагестану, повествование ведется как бы на одном дыхании. Образ родины занимает первый план, внутренне динамичен, освещен энергией неуклонно нарастающего эмоционального напора. Многогранный художественно емкий образ родины наполнен большим содержанием.

Во всех этих произведениях читатель прежде всего видит саму Мариам и слышит ее речь с ощутимым субстратом дагестанского менталитета, а также входит в художественно-эстетическое пространство, в тот круг, в котором формировались поэтические импульсы поэтессы.

Стихотворение «Бабушка» написано в стилистике прямого авторского монолога, с использованием нарративного дискурса. У Ибрагимовой простые, почти «домашние», бытовые сюжеты часто служат созданию обобщенных, типичных ситуаций и образов. Избегая пафоса и патетики в описаниях сугубо драматических, она умеет придать им философское и художественное усложнение. При этом человеческую и художественную ценность произведению придает не бытовое осмысление «вечных тем», а воплощение в этом произведении безусловно серьезных для автора мыслей о неизбежности подчинения человека всеобщим законам простой жизни, о необходимости человеку быть равным себе, своей жизненной предназначенности и жить без лишней суеты.

Она не знала света
 школьных классов,
Страницы книжной
 не коснулся взор...
Когда-то относилась к «низшей расе»
Племен туземных дагестанских гор.
Три метра черной бязи вместо шали
Крылом свисали с головы до пят...
Густая сеть морщин – следы печали,
Под пеленой туманной
 кроткий взгляд.
В дыму кизячном, в каменной глуши
Истоки сил души давно иссякли
С потоком вдовьих слез
 в ночной тиши.
Идя тропой, не обошла ни разу
Крутых адатов ни один закон... [2, с. 81–82]
 («Бабушка»)

Малообъемность, часто отражающаяся на смысловом факторе, здесь не играет роли. Мариам Ибрагимова кратка в описаниях, но кратка по-особому. Ей удается несколькими штрихами создать точный, зримый психологический образ типичной горянки, прожившей тяжелую и полную горестей жизнь. Фоновый материал, т. е. множество характерных деталей внешнего облика старой женщины составляет значительный элемент смыслового содержания произведения. Автор внимательна ко всякого рода деталям, и каждая из них работает на образ.

М. Ибрагимова, стремясь всецело раствориться в объективном изложении своей темы, занимает позицию незаметного наблюдателя, развертывая лишь зримый образ своего персонажа и предоставляя читателю самому оценивать и осмысливать нарисованную ею картину с природы. Лишь однажды автор появляется в тексте, но и здесь лишь как вспомогательный элемент повествования, но ни в коем случае не как действующее лицо.

Мариам хорошо знала цену всему, поэтому лучше многих понимала, с каким трудом доставался хлеб каждой семье. В своих воспоминаниях она пишет: «Урожая, собранного с клочков плодородной земли едва хватало на зиму. Не было топлива. К зиме люди перебирались в нижние этажи саклей, ближе к сеновалу, погребу, где согревались у очагов, отапливаемых кизяком. Спасались от холода в широких долгополых овчинных шубах, косматых папахах, войлочных ноговицах, женщины – в шерстяных шалях, накинутых поверх платков, вязаных шерстяных журапках, длинных шароварах с короткими будничными платьями» [1, с. 42].

Харчишек незавидные запасы
Хранила бережливо под замком,
В те дни, житейской мудрости не зная,
И я считала бабушку скупой.

Кусочек сахару, бывало, даст мне к чаю,
Сама ж пила с сушеной курагой.
Но если к ней, в ночи иль спозаранку,
Кунак заглянет, бабушка тотчас
Пред ним расстелет скатерть-самобранку
И сахару положит весь запас.

Кто б ни был он – мусульманин иль русский,
Смотрю, не веря собственным глазам:
Гость пьет внакладку, Бабушка – в прикуску,
Как будто в доме истинный Байрам! [2, с. 81–82]

Элегические нотки в рассказе М. Ибрагимовой вдруг оборачиваются юмором. Образная, экспрессивная речь ее делает повествование интенсивным и поучительным. В основу своего поэтического рассказа Мариам положила описание внутренних, не всегда и не всем заметных качеств горянки. С ее подачи они стали не только заметными, но и обозначили общую типологическую характеристику дагестанской женщины, познавшей тяжесть жизни во всех ее ипостасях.

Мариам помнит об этом, для этого и рассказывает, поэтому элегичность и грусть вновь возвращаются в ее повествование:

Минуло детство. Бабушки не стало
В иную веря жизнь, она ушла
Туда, где нет конца и нет начала,
Где нас не ждут привычные дела.
Но, кажется мне, добрая старуха
Глядит с тревогой из глубин веков,
Когда встречает гостя или друга
Кто-либо из ее учеников [2, с. 81–82].

О чем бы ни писала М. Ибрагимова, тема родины, истории, народа не оставляла ее. Ничего не приукрашивая, избегая любования горской экзотикой, пишет она горькую правду о судьбе маленьких народов, населяющих ее Дагестан. Рассказывает о том, что с наступлением осени, после уборки урожая, мужчины покидали родные очаги, обеспечив семьи толокном, которое можно было употреблять в пищу, увлажнив его водой.

Уходили на зиму, избавив жен, стариков и маленьких детей от лишних ртов, с тем, чтобы вернуться с деньгами и зерном для сева. Но возвращались не все и не сразу. «Были и такие, кто бесследно исчезал на многие годы в поисках большого заработка на шумных базарах Стамбула, Аддис-Абебы, Тегерана, Киева, Одессы, Петербурга. Возвращались с деньгами и богатыми подарками для всей родни, не скупясь на милостыню бедным односельчанам.

Помимо заработанного добра привозили и новые знания – все лучшее из обычаев и нравов иноземных народов, стараясь внедрить это лучшее в жизнь и быт своих близких. Не зря ведь у дагестанцев бытует поговорка: «Изучи то место, где переночевал».

И потому, – делает вывод автор, – среди горских народов испокон веков лакцы отличались знаниями, ученостью, мастерством, трудолюбием, веротерпимостью и интернационализмом» [1, с. 41].

Этой теме созвучны и такие ее стихотворения, как «Старинный клинок», «Кисет».

В Дамаске ты кован
иль в старом Стамбуле
Рукою умельца – слуги,
Рожден в Кубачах – оружейном ауле
Иль в старом селе Амузги.
В слоновую кость с золотою насечкой
Одета твоя рукоять
В сафьяне ножны,
серебристых колечек
Блестит затаенная гладь.
Рубин на штифте
окровавленным оком
В ажурной оправе горит
Над лезвием острым о чем-то суровом
Арабская надпись гласит... [2, с. 36]

Лаконично и ярко описывает она висящий на стене кинжал, который вобрал в себя труд многих умельцев, традиции разных стран, освоенные дагестанскими мастерами. Но красота оружия, образцами которого восхищались во всем мире, не радует поэтессу:

А, сколько, скажи-ка мне, с плеч богатырских
Ты снес соколиных голов?
В каких вилайетах далеких и близких,
Ты сирот рассеял и вдов? [2, с. 36]

Завершая свой монолог, она выносит свой вердикт оружию:

Теперь, навевая печальные думы,
Повис на стене ты один,
И оком кровавым, темно и угрюмо
Глядит на меня твой рубин.
Но, мне повинуюсь, в наряде роскошном
Навечно ты замер во сне.
Как жаль, что оружие все невозможно
Заставить ржаветь на стене [2, с. 57].
(«Старинный клинок»)

В стихотворении «Кисет» автор поведала о судьбе одного из скитальцев-дагестанцев, ищущего лучшей доли и потерпевшего крах на своем жизненном пути. Это не просто рассказ о потерянной родине. Здесь все поэтическое пространство становится большой метафорой. Одной из черт творческого таланта М. Ибрагимовой было умение удивительно четко расставить акценты, выделить главное и на небольшом пространстве нарисовать целую человеческую судьбу.

Военная буря джигита Али
Швыряла в немирные страны.
Глухая тоска по отчизне вдали
Томила, как старая рана.
Затих в бурном сердце воинственный шквал...
Грустя по родному аулу,
В убогой лачуге он век доживал
У древних окраин Кабула
Богатство скитальца – кинжал и кисет.
Кисет расписной из сафьяна
У сердца носил, как святой амулет
Далеких вершин Дагестана.
И в дряхлые годы, ни ночью, ни днем
Не смел он расстаться с кисетом.
А люди гадали, что может быть в нем?
Алмаз? Золотые монеты?
Конец неизбежен. Почуяв беду,
Старик перед вечным покоем,
За странный кисет и в тяжелом бреду
Хватался дрожащей рукою.
Как только навеки закрыл он глаза,
Отдав свою душу Аллаху,
Служитель мечети кисет развязал
С немым любопытством и страхом.
Склонились безмолвно над тайной Али
Соседи, как хищные птицы,
И что же они видят?
Щепотку земли
Родимой в истлевшей тряпице [2, с. 40].

Склонная к воссозданию национальных исторических и историко-культурных реалий М. Ибрагимова не оставила без внимания и такой сюжет, как трагедия отходников, своих земляков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ибрагимова М.* Тебе, мой сын. Роман-завещание. М.: Белый город, 2017.
2. *Ибрагимова М.* Стихи и поэмы. М., 1999.

Поступила в редакцию
08. 09.2020.

Магомедова Зулейхат Кадиевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН;
e-mail: m.zuleyha68@mail.ru

Magomedova Zuleikhat Kadievna, Doctor of Philology, leading research worker, the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC of RAS;
e-mail: m.zuleyha68@mail.ru